

Научная статья

УДК 94:159.953 + 725.945:2-13 + 94(470)“1941/1945” + 316.752

doi 10.15826/tetm.2022.3.031

А. Мегилл: опасность сакрализации памяти

Наталья Сергеевна Корнющенко-Ермолаева

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

nskorn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7621-6367>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о взаимоотношениях памяти и исторической науки в концепции исторической эпистемологии американского историка Аллана Мегилла. На основе проделанного анализа показана опасность процесса сакрализации исторической памяти. Обсуждается также вопрос последствий, возникающий с увеличением ценности коллективной исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, сакрализация, А. Мегилл, «принцип нерешительности», ценность

Для цитирования: Корнющенко-Ермолаева Н. С. А. Мегилл: опасность сакрализации памяти // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 1. С. 55–62. doi 10.15826/tetm.2022.3.031

Original article

A. Megill: the Danger of Sacralizing Memory

Nataliya S. Kornyushchenko-Ermolaeva

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia

nskorn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7621-6367>

Abstract. The article discusses the relationship between memory and historical science in the concept of historical epistemology by American historian Allan Megill. Based on the analysis done, the danger of the process of sacralization of historical memory is shown. The article discusses the issue of consequences arising with the increase in the value of collective historical memory.

Keywords: historical memory, sacralization, A. Megill, “the principle of indecision”, value

For citation: Kornyushchenko-Ermolaeva, N. S. (2022). A. Megill: opasnost' sakralizatsii pamyati [Megill: the Danger of Sacralizing Memory]. *Tempus et Memoria*, 3, 1, 55–62. doi 10.15826/tetm.2022.3.031

Обращение к теме памяти и ее противоречивым отношениям с исторической наукой особенно актуализировалось в последние десятилетия, поскольку у профессиональных историков в работе со свидетельствами наметились серьезные изменения. Профессор

истории Университета Вирджиния Аллан Мегилл, один из самых известных исследователей исторической памяти, обозначил их как «поворот к культурной истории», а с легкой подачи французского историка П. Нора эпоха второй половины XX в. получила выразительное

название «мемориальная эпоха» или «всемирное торжество памяти» [Нора]. Многие исследователи с уверенностью говорят о том, что новое понимание современной историографии ориентировано на память. Мегилл определяет его как «дважды позитивное» центрирование на работу со следами коллективной и индивидуальной исторической памяти. Прошлое, реконструированное исторической памятью социальных групп и отдельных индивидов, оказывается значительно более сложным и противоречивым феноменом, нежели объективные данные исторической науки, поэтому можно с уверенностью говорить о парадоксальности феномена «исторической памяти» и неоднозначности отношения к нему профессиональных историков.

Мегилл в своих работах отстаивает необходимость устранения памяти, как автобиографической, так и коллективной, из достоверных источников и объективных доказательств истории и замене ее тем, что не будет «привязано к желаниям настоящего» [Мегилл 2005, 140]. Он категорически высказывается против позиции, согласно которой историческая наука должна оставаться формой или продолжением памяти, а центральной задачей ее должно быть сохранение и восполнение дефицита памяти по целому ряду причин, с которыми и следует разобраться. Выражая серьезные сомнения в том, что «истинная функция истории заключается в защите правильной позиции в настоящем» [Мегилл 2007, 75], американский исследователь предупреждает об опасности того, что история может трансформироваться в политику и даже войну, которая будет вестись между социальными группами, но только другим оружием.

Если обратиться к истории взаимоотношений исторической науки и памяти, можно обнаружить, что в древности эти феномены не противостояли друг другу, а пересекались. «Для всех более ранних форм историописания характерно то, что они сознавали себя как разновидность воспоминания, как сохранение памяти» [Мегилл 2005, 43]. Слово «история» означает и «то, что случилось», то есть событие, и «рассказ о том, что случилось», который многократно воспроизводился очевидцами и свидетелями события и постепенно обрастал подробностями и деталями, трансформируясь

в нарратив. Следовательно, история как наука берет свое начало из памяти, а память выступает в качестве первоисточника и основы исторического дискурса. Однако до определенного времени сама память как феномен еще не была объектом исследования для историка, не была ему интересна как таковая. «Он был заинтересован непосредственно самими делами, а не способами их запоминания» [Мегилл 2005, 135]. Для него были важны сами события, их причины и последствия, но не то, как и почему они запечатлелись в памяти современников. Память для историка еще не имела эвристической ценности, она была только способом сохранения и воспроизведения знания о прошлом. Разделение памяти и истории произошло лишь в XIX в. Это время официально зафиксировано как дата возникновения исторической науки в качестве профессионального дискурса и классической модели исторического исследования. Историописание стало уделом образованной элиты. Именно в это время память и история «открыли друг в друге свою противоположность» [Ассман, 43].

В историографии второй половины XX в. перед историками встает вопрос об изучении массовых обыденных представлений о прошлом, то есть об изучении коллективной и автобиографической исторической памяти. Вопрос возникает совсем не праздный: на каком основании американский историк считает, что центральная задача историописания, длительное время понимающаяся как сохранение и восполнение памяти, должна быть изменена? В чем, с точки зрения Мегилла, заключается опасность продолжать и дальше использовать память в качестве достоверного источника исторических фактов?

Ответы на поставленные вопросы невозможны без прояснения того, в чем Мегилл видит специфику работы историка с прошлым, то есть без понимания основных принципов исторической эпистемологии и обстоятельств, изменивших отношение историографии и памяти. А с другой стороны, не проясняя содержание понятия «историческая память» в концепции Мегилла.

Ключевой особенностью работы историка и одним из основных положений исторической эпистемологии Мегилл считает «принцип нерешительности» или «нерешающей диалектики».

Этот принцип заключается в том, что профессиональный историк, высказывая суждение о каком-либо историческом событии или феномене, не стремится снять противоречия между альтернативными свидетельствами и получить определенное заключение или построить единую, непротиворечивую теорию. «Нерешающая диалектика» — характерная черта исторического мышления, ее суть в том, чтобы сохранять «разрыв или промежуток между прошлой реальностью, которую историк описывает, и миром опыта настоящего» [Мегилл 2007, 74]. Прошлое и настоящее не раздельны, а различны, и это различие историк обязан учитывать в историческом исследовании. Если историк пытается соответствовать недостижимому требованию — знать прошлое с уверенностью, он исключает себя из профессиональной традиции историописания.

Не менее важной особенностью исторического исследования является тот факт, что профессиональный историк должен придерживаться концептуального различия между «историческим следом» и «историческим источником». Источник, в отличие от следа, всегда является интерпретацией события, тем, что «неизбежно будут путать с воззрениями людей прошлого и с неадекватными представлениями о том, что произошло» [Там же, 106], поэтому американский историк определяет «источник» как преднамеренное свидетельство. След же лишен этой примеси, он, как непреднамеренное свидетельство, изолирован «от осознанных или бессознательных желаний людей помнить и свидетельствовать каким-то особым способом» [Там же].

Реконструкция позиции Мегилла требует остановиться на содержании понятия «историческая память». Несмотря на то что это понятие основательно вошло в социально-философский и политический дискурс во второй половине XX в., можно обнаружить достаточно много неопределенностей и разногласий, связанных с его содержанием и употреблением. С одной стороны, это понятие широко используется как в повседневном, так и в научном и политическом языке, с другой стороны, в социально-философском дискурсе присутствует скептическое отношение к его употреблению. Отдельные исследователи объявляют это понятие метафорой, фикцией, бессмысленной

конструкцией, поэтому становится актуальным ответ на вопрос о содержании и границах этого понятия в концепции Мегилла, что, в свою очередь, позволит понять, почему этот исследователь пришел к выводу о том, что связь истории и памяти на сегодняшний день выглядит весьма проблематичной.

С точки зрения американского историка, в основании исторической памяти лежит опыт участников и свидетелей событий, который восстановлен и преобразован ими в нарратив. Без опыта времени человек не смог бы располагать события в их последовательности и отличать прошлое как ушедшее от настоящего и будущего. Однако Мегилл считает, что «задача историка в меньшей степени должна заключаться в сохранении памяти, чем в ее преодолении или, по крайней мере, в ее ограничении» [Мегилл 2005, 161]. Затруднение состоит в том, что память — это не простое воспроизведение прошлого пережитого опыта, а сложная конструкция, которая содержит в себе как элементы подлинного знания, так и ошибки и бессознательные искажения. «Память так же много сообщает нам о сознании того, кто вспоминает исторические события в настоящем, как и о самом прошлом. Память есть образ прошлого, субъективно сконструированный в настоящем» [Нора, 158]. Таким образом, историк, работающий с памятью, на самом деле имеет дело не только с повествованием о событии, но и с феноменами сознания и бессознательного. Именно поэтому он не может не учитывать того, что работа сознания-воспоминания аккомпанируется субъективным опытом переживания прошлого в настоящем, а повествование включает в себя, кроме логической структуры текста, еще и эмоциональную и ассоциативную структуры, которые взаимно дополняют друг друга.

Работа памяти — это не пассивный процесс восстановления пережитого индивидом или социальной группой опыта, а активная реконструкция события прошлого, в котором тесно переплетается реально пережитое с дистанцированной во времени эмоциональной оценкой события с позиции настоящего. Не менее важно учитывать и то обстоятельство, что воспоминания подвержены процессу искажения. Этот процесс протекает по-разному, в зависимости от того, о каких воспоминаниях

(индивидуальных или коллективных) идет речь. Обращаясь к содержанию памяти, историк имеет дело с другим типом знания. Память содержит два пласта: то, что событие произошло, и то, как оно было непосредственно пережито и закреплено в опыте, воспринято референтом и, наконец, артикулировано. Таким образом, изучая содержание исторической памяти, историк работает не с фактами, а с образами, обнаруживаемыми в сознании референта памяти. Работа с таким видом объектов требует от историка учитывать, что это субъективная, фрагментарная и иррациональная реальность, изучение которой должно пройти оценку критическим мышлением. Таким образом, А. Мегилл приходит к выводу о том, что «...без независимого подтверждения память не может служить надежным маркером исторического прошлого» [Нора, 158–159].

Мыслитель утверждает, что особенностью исторической памяти является отсутствие рефлексии и критической оценки события, то есть метапозиции. Память не может быть своим «собственным критическим тестом» [Там же, 148], поэтому воспоминания могут вступать между собой в противоречивые отношения. Память — это всегда субъективная реальность, конституированная групповыми или личностными ценностями и интересами. В отличие от памяти история, утвердившись в качестве научного знания, стремится к универсальности и объективности, сближаясь с метаперспективой. Задача историка — подвергнуть сомнению и проверке любое свидетельство, полученное в процессе исследования. При этом появляющиеся противоречия и конфликты свидетельств являются естественной ситуацией в работе историка, тогда как на уровне памяти конфликт воспоминаний не может быть признан.

Кроме того, необходимо учитывать то обстоятельство, что память, с которой имели дело историки в древности, и память, с которой имеют дело историки постмодерна, это разные виды памяти. В чем же заключается это различие? Какие изменения произошли в исторической науке, которые привели к трансформации ее отношения к памяти?

Знаковым изменением, произошедшим в историко-философском дискурсе XX столетия, является тот факт, что историческая память

начинает рассматриваться как объект, приобретающий статус самостоятельной ценности. Для современного историка это уже не просто способ получения и хранения информации о прошлом. В социуме начинается сложный и неоднозначный процесс сакрализации памяти. В историографии второй половины XX в. произошел так называемый «мемориальный поворот», в результате которого перед историками встал вопрос об изучении массовых обыденных представлений о прошлом, то есть вопрос об изучении коллективной и автобиографической исторической памяти. «Озабоченность проблемой памяти как объектом ценности, а на самом деле как объектом почитания, появилась в недавнем прошлом как ответ на события, которые мы теперь называем Холокостом или Шоах. Озабоченность памятью возникла в этом контексте вслед за пониманием того, что в недалеком будущем все выжившие в Холокосте будут мертвы...» [Нора, 135].

Тема памяти была подхвачена не только профессиональными историками, но и журналистами и режиссерами. Благодаря их совместным усилиям начинают создаваться аудио- и видеоархивы, фиксирующие воспоминания жертв массовых катастроф XX в. В результате запускается процесс сакрализации особенно травматичных событий, а одновременно с ними сакрализации свидетельств выживших жертв.

Задача исторической науки заключается в том, что, работая с воспоминаниями, историк фиксирует их и помещает в архив. Архивизация свидетельств освобождает воспоминания от налета святости. В связи с этим появляется сложная для исторической науки альтернатива — историзации или сакрализации событий и свидетельств их участников. В процессах сакрализации памяти пытаются разобраться не только Мегилл. Эта тема проходит красной нитью в работах французского историка Пьера Нора. Как с точки зрения этих мыслителей происходит сакрализация памяти и в чем опасность этого процесса для общества?

С позиции Мегилла сакрализация памяти, то есть придание ей священного статуса, осуществляется двумя возможными способами. Во-первых, в процессе сбора свидетельств о недавних исторических событиях подчеркивается и преувеличивается ценность

воспоминаний участников и жертв «самих по себе», но упускаются из виду точность и достоверность их воспоминаний. Во-вторых, запускается процесс преувеличения ценности нашего знания об этих воспоминаниях, несмотря на то, что данное знание не может рассматриваться как лишенное эмоциональной окраски и объективное. Кроме того, это знание само по себе является формой памяти.

Работа коллективной исторической памяти связана с тем, что она отбирает из череды исторических событий самое ценное, то, что вызывает всеобщее уважение и почитание. Память выдвигает требование по сохранению этих воспоминаний как наиболее ценных с позиции настоящего. Тем самым коллективная память канонизирует определенную традицию, фиксируя ее в виде канона священных текстов или ритуальных действий. Работа памяти скорее напоминает религиозное действие, так как сакрализирует образы, помещая их в священное. Таким образом, в исторической науке начинает меняться тип сбора информации.

В чем, с точки зрения А. Мегилла, заключается опасность процесса сакрализации памяти? Американский историк считает: то, что свято, не может быть поставлено под вопрос. «Святость того, что исследуется, оправдывает массив собранных доказательств. Кроме того, сакральный характер доказательств обесмысливает их как свидетельства» [Нора, 137]. Кроме того, речевые практики ошибочно рассматривать как пассивные свидетельства, поскольку за ними могут скрываться различные стратегии: самооправдания, политического сопротивления, вины и т. д. Процесс сакрализации памяти лишает историческую науку критической позиции. Еще более опасно то, что этот процесс содержит в себе возможность мифологизации воспоминаний событий и героев. Часто воспоминания жертв используют как доказательства преступлений, однако они весьма ненадежны. Они содержат погрешности, со временем изменяются и, чем дальше их носители отдаляются по времени от произошедших событий, тем больше они испытывают воздействие того, что они слышали или читали об этом позже, а это с неизбежностью приводит к искажению их воспоминаний. «Если мы придаем памяти абсолютную ценность, то мы открываем дверь опасной идее пытаться

использовать неизбежные ошибки в воспоминаниях и тем самым полностью дискредитировать то, что говорят вспоминающие» [Мегилл 2005, 144].

Работая со свидетельством, в надежде прикоснуться к исторической реальности, которая существенно отличается от сегодняшней, историк создает воображаемую конструкцию или реконструкцию события. Мегилл считает показания свидетелей и очевидцев недавних событий, которыми располагают современные историки, избыточным материалом, который «далеко выходит за рамки того, что необходимо историкам для реконструкции событий прошлого» [Мегилл 2007, 94]. Кроме того, сами свидетельства могут вызывать недоверие со стороны историков. Основанием для недоверия являются несколько причин. Во-первых, свидетельства далеко не всегда дают объективное и релевантное понимание того, что случилось на самом деле. В случае если свидетельство содержит информацию о травматических событиях, то воспоминание содержит как эмоциональную окраску, так и преувеличение пережитых страданий. Во-вторых, если свидетельства были собраны спустя десятилетия, после события, они не могут не содержать погрешностей и искажений. Воспоминания в ходе многократного повторения трансформировались или частично исчезли и были дополнены теми обстоятельствами, которых не было в реальности. В-третьих, в воспоминаниях, реконструированных спустя десятилетия, происходит смешение собственного пережитого опыта со знаниями, полученными из других источников. Сам свидетель уже не в состоянии отличить одно от другого. «Люди не бывают способны заметить разницу между тем, что они действительно видели, и тем, о чем они только слышали. Они иногда вкладывают в то, что считают своими собственными воспоминаниями, ту информацию, которая стала доступной им позднее» [Там же, 95].

Французский философ Пьер Нора выстраивает несколько отличную от Мегилла логику. Его волнует исчезновение живой коллективной памяти, которое он объясняет нарастающим процессом деретуализации. Отправление ритуалов, которые поддерживали существование коллективной памяти в традиционном обществе, уходит в прошлое, тем самым превращая

память в историю. Поддержание памяти теряет связь с социальными действиями групп, которые в повседневной жизни переживались как замкнутое религиозное повторение того, что было всегда. «Как только появляется след, дистанция, медиация — мы больше не в истинной памяти, но в истории» [Нора, 19]. Нора приходит к выводу, что память и история противостоят друг другу и не могут рассматриваться как синонимы. Однако это утверждение описывает взаимоотношения памяти и истории только в определенном периоде, поэтому Нора стоит перед необходимостью аргументировать эту оппозиционность. Память и история осуществляют работу с воспоминаниями. Принципиальное отличие в работе памяти заключается в том, что она «помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим» [Там же, 20].

Коллективные образы исторической памяти содержат в себе потенциальную возможность перехода в религиозный дискурс. Эти образы часто составляют фундамент мировоззрения и не являются отрефлексированными. Нора называет это памятью, «неосознающей самое себя» [Там же, 19]. Исторический миф, созданный коллективной памятью, является символическим выражением определенных ценностных установок, которые определяют представление социальной группы о самой себе. Исторические мифы связаны с ритуалами, то есть с коллективными формами поведения. Они определяют стратегии поведения социальных групп и являются формами существования ценностей.

Таким образом, память и историография в равной степени имеют дело с воспоминаниями. Однако память, в отличие от истории, отбирает их, придает им абсолютную ценность и не подвергает критике. В случае если историческая наука центрирована на памяти как на ценности, она становится аффирмативной, то есть ориентированной на превознесение и утверждение вполне определенной традиции или социальной группы, чью историю и опыт она изучает. Мегилл просит обратить внимание на то, что неправильно и нечестно выдавать такую деятельность историка за упражнение в благочестии. «...Производители и потребители истории должны осознавать, что познавательная ценность (или отсутствие ценности)

такого воспоминания — вопрос, который совсем не зависит от эмоционального и экзистенциального воздействия, которое это воспоминание может оказывать на нас» [Мегилл 2007, 98–99]. «Аффирмативная историография подчиняет прошлое тем проектам, которыми люди заняты в настоящем. У нее отсутствует критическая позиция по отношению к воспоминаниям, которые она собирает, и к традиции, которую она поддерживает» [Там же, 99]. Такая историография склоняется к тенденции мифологизации воспоминаний.

Важно подчеркнуть тот факт, что современные тенденции, связанные, с одной стороны, с мемориальными практиками, с другой — с формированием идеологических конструктов, в которых память доминирует над историей, вызывают опасения и тревогу у научного и философского сообщества. Профессиональные историки неоднократно обращали внимание на то, что государство и СМИ провоцируют ситуации «нарушения режима доверия» исторической науке и историкам, когда очевидцам и участникам событий верят больше, чем историкам, которые стремятся сформировать объективную и критическую точку зрения на события прошлого. Кроме того, вызывают опасения дихотомии «история/идеология», «история/память», существование которых в современном дискурсе латентно указывает на снижение ценности критической инстанции в мемориальных практиках, во многом противостоящей эмоциональному характеру требований, связанных с исторической памятью социальных групп и национальных меньшинств. В сообщениях СМИ и повседневной практике сегодня можно наблюдать за негативной, теневой стороной мемориальной революции, которая проявляет себя в «войнах памяти», начиная от «войны памятников и захоронений» и заканчивая серьезными этнополитическими конфликтами. Коллективные воспоминания о своем прошлом, с одной стороны, жизненно необходимы для сохранения единства нации, с другой — содержат в себе потенциальную опасность по созданию агрессивных мифов, которые провоцируют межгосударственные и межнациональные конфликты и насилие. Как мы видим, тема исторической памяти порождает множество вопросов, которые попадают в поле философского осмысления.

Исследование феномена исторической памяти имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Необходимо учитывать, что национальная память сохраняет воспоминания не только о триумфальных победах и тяжелых поражениях, но и о событиях, которые вызывают чувство коллективной вины и позора нации. И те и другие в равной степени могут формировать представление нации о самой себе, укреплять или разъединять национальную сплоченность. Особенностью мемориальных конструктов исторической памяти, закрепляющих преимущественно свои победы и исключительно поражения соседей, является способность продлевать исторические конфликты за пределы своего времени. Знание о том, каким образом изменения политических условий может вызвать периоды политической нестабильности, позволяет прогнозировать события и влиять на них.

Таким образом, Мегилл приходит к выводу о том, что история не может быть идентифицирована с тем, что называют «памятью», то есть с рассказом свидетелей и очевидцев, в котором каждый раз реконструируются события, оставившие след в их памяти. При этом история не может себе позволить исключить память из своего поля. Как это ни парадоксально, история должна быть и рассказом, и памятью. Историк, стремящийся правдиво реконструировать прошлое, должен сообщать о противоречивых свидетельствах и оценках очевидцев и участников событий, но при этом оставлять в тени свои собственные взгляды. Правдивая история — это неоднозначная история. Американский историк настаивает на том, что «...потенциально очень опасно рассматривать память в качестве источника исторических фактов» [Мегилл 2007, 105], потому что:

- воспоминания отмечены погрешностями;
- воспоминания меняются со временем;
- при воспоминаниях наблюдается тенденция смешения информации о действительно пережитом опыте с тем, что человек узнал после самого события;
- использование воспоминаний как абсолютной ценности может привести к дискредитации того, что говорят вспоминающие.

Предостерегающая об опасности сакрализации памяти позиция Мегилла не является

бесспорной и вступает в диалог с другими известными теоретиками исторической памяти, такими как П. Нора, А. Ассман, Б. Гизен, Х. Вельцер, Д. Олик и др. Реконструкция позиции американского историка высвечивает целый спектр актуальных и противоречивых для сегодняшнего дня вопросов. Если память более не может сохранять позиции достоверного источника исторического знания, а набирающий обороты процесс сакрализации памяти содержит опасность мифологизации воспоминаний событий и героев, какую позицию должен занять профессиональный историк по отношению к исторической памяти? Не может ли преувеличение опасности от этого процесса привести к десакрализации и отказу в доверии исторической памяти, которое содержит в себе не меньшее количество угроз? И главное, не приведет ли настороженное отношение профессиональной историографии к изучению следов исторической памяти к серьезным упущениям? Хотелось бы обратить внимание на то, что Мегилл упускает из виду не менее важный вопрос: историческая наука, сколь бы она ни стремилась к объективности, никогда не сможет достичь этого идеала и сама является источником для мифологизации событий и героев, в которой так упорно Мегилл обвиняет историческую память, при этом пренебрегая тем, что коллективная историческая память в качестве уникального феномена содержит в себе механизмы сопротивления попыткам внедрить и закрепить на уровне коллективного сознания определенные идеологии.

Содержание исторической памяти может не совпадать с официальной исторической версией. Кроме того, фактичность исторической науки омертвляет любое событие, исключая из него живое, пусть и противоречивое, свидетельство. Погружение в живой рассказ очевидцев и участников события раскрывает для следующих поколений опыт, который сохраняется на уровне генетической памяти. Соприкосновение с живой исторической памятью втягивает следующие поколения в соучастие и сопереживание события, отстоящего во времени, которое не может дать чтение учебников и книг. Между живым настоящим нынешних поколений и завершенным прошлым тех, чей век подходит к концу, пролегает

хрупкая и расплывчатая теневая полоса коллективной исторической памяти. Исчезновение настоящего происходит незаметно для живущих, приводя к забвению и омертвлению совсем недавних и значимых для сохранения идентичности нации событий. Для того чтобы сохранить уникальность, историческая наука будет вынуждена поддерживать многоголосность, сложность и противоречивую спорность своего содержания. Различные, исключаящие друг друга точки зрения сосуществуют в ней и не складываются в единую историю именно благодаря исторической памяти. Индивидуальные и коллективные воспоминания, семейные хроники и архивы приобретают статус аргументов для существования альтернативной истории. А это значит, что историческая наука

перманентно содержит в себе конфликты, разрешение которых порой невозможно на протяжении многих лет ожесточенных споров между историками.

История как наука представляет собой особую систему работы с историческими источниками и документами. В своем стремлении к объективности и беспристрастности история противостоит всем видам памяти. Миссия коллективной исторической памяти по отношению к историографии заключается в том, что память обогащает историю ценностными ориентирами, высвечивает наиболее значимые для коллективного сознания события прошлого, история же призвана скорректировать комплекс имеющихся воспоминаний, критически отразить их.

Список источников

- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М. : Канон+РООИ Реабилитация, 2007. 480 с.
- Мегилл А. Философия и общество // Философия и общество. 2005. Вып. 2 (39). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/126767/> (дата обращения: 12.05.2021).
- Нора П. Всемирное торжество памяти. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> / (дата обращения: 12.05.2021).

References

- Assman, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 328 s.
- Megill, A. (2005). *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2(39). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/126767/> (accessed: 12.05.2021).
- Megill, A. (2007). *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. M.: Kanon+ROOI Reabilitatsiya. 480 s.
- Nora, P. *Vsemirnoe torzhestvo pamyati* [World Celebration of Memory]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> / (accessed: 12.05.2021).

Сведения об авторе

Корнющенко-Ермолаева Наталия Сергеевна, старший преподаватель Томского университета систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

Information about the author

Nataliya S. Kornyushchenko-Ermolaeva, Senior Lecturer, Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia

Статья поступила в редакцию 15.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.12.2021;
принята к публикации 30.12.2021

The article was submitted 15.12.2021;
approved after reviewing 25.12.2021;
accepted for publication 30.12.2021